

В.Б. Катаев

«Смерть чиновника»

Рассказы Чехова коротки, но каждый раз, вчитываясь в них, можно за видимой простотой находить глубину смысла и сложность художественного построения.

В «Смерти чиновника» (1883) первое, что обращает на себя внимание, — как будто явное несоответствие между сюжетом, который ведет к печальному концу, и тем, как он рассказывается.

Рассказ начинается со слова «смерть» (в заглавии) и заканчивается словом «помер». Впору оплакивать несчастную судьбу героя. А между тем в рассказе действительно немало смешного.

Несерьезен, прямо-таки игрив тон повествования («В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор...», «Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицмейстеры, и тайные советники. Все чихают» и т.п.).

Забавны имена персонажей (Червяков, Бризжалов). Комична настойчивость, с которой Червяков пристает со своими извинениями к нечаянно обрызганному им генералу. И ведь что такое эти пять (!) неудавшихся попыток извинения? Герою (мы знаем это изначально) уготована в конце смерть. И вот словно сама смерть раз за разом отталкивает от себя незадачливого поборника приличий, а он тем одержимее, даже азартнее на нее наступает, напрашивается, пока наконец она его не прихлопнула в последней фразе рассказа.

Сколь несоразмерны здесь повод и последствия: в начале рассказа герой «чихнул» — в конце же «помер»! Такое абсурдное несоответствие причин и следствий бывает только в анекдотах. Чехов и берет анекдотическое происшествие, смеется над недалеким героем, но касается при этом весьма серьезных вещей.

Чехов смело нарушает литературную традицию, по-новому трактует до него многократно (начиная с гоголевской «Шинели») разработанную ситуацию: маленький чиновник в столкновении с генералом, значительным лицом, представителем высшей власти.

Генерал обрисован в рассказе Чехова вполне нейтрально: он лишь реагирует на действия другого персонажа. О нем мы ничего существенного не узнаем, потому что не он интересен автору.

Объект насмешки здесь — тот самый «маленький человек», над которым столько слез пролила прежняя русская литература. Он смешон и жалок одновременно: смешон своей нелепой настойчивостью, жалок тем, что подвергает себя унижению, демонстрирует полный отказ от человеческого достоинства. Червяков пресмыкается, ведет себя униженно в ситуации, когда его никто не принуждает, напротив, его пытаются удержать от такого поведения.

Итак, *добровольное* пресмыкательство, самоуничужение «маленького человека» — вот поворот известной ранее темы, предложенный Чеховым. Для чего Чехов пародирует, переиначивает классическую ситуацию? Что нового вносит в ее разработку смена объекта осмеяния?

Чехов показывает: дело не в злых, дурных начальниках; зло лежит глубже.

Чинопочитание, раболепие вошли в плоть и кровь тех, кто, казалось бы, должен страдать от унижения их человеческого достоинства. И уже сами они готовы ценой жизни (!) отстаивать собственное право демонстрировать почтительность и свое ничтожество перед «персонами». Червяков страдает не от унижения, а от прямо противоположного: оттого, что его могут заподозрить в нежелании унижаться, в праве на какое-то иное поведение. «Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит,

и уважения к персонам... не будет...» Страдает он оттого, что генерал «не может понять» то, что ему, Червякову, совершенно ясно.

И вот в очередной раз Червяков отправляется не просто извиниться, а вразумлять «непонятливого» генерала. И здесь он уже не смешон и жалок, а, пожалуй, страшен — как хранитель заветов, как краеугольный камень, на котором и держится система чиновничества и добровольного самоуничтожения.

Такое впечатление производит большинство юмористических рассказов Чехова: над ними смеешься, а если задуматься — повествуют они о грустном или даже страшноватом.